

Купалов вечер

Витязь Кончислав ехал ночью по берегу Днепра, возвращаясь из дальних походов в стольный град Киев, ко двору ясного солнышка, ласкового князя Владимира.

Светлый месяц катился по тёмно-синему небу и отсвечивал бледно-жёлтые лучи свои на богатырских доспехах Кончиславовых. Витязь думал крепкую думу. Когда он оставил стольный град и двор Владимира ясного солнышка, тогда люди киевские веровали Перуну, Купалу, Велесу и Золотой бабе; теперь, ещё на чужбине, перепала к богатырю весточка, что кумиры славянские разбиты и потоплены, а в Киеве красуются храмы Бога Живого и сияют кресты на золотых маковках. Грешное сомнение и презорливая гордость закрались в душу витязя. Он думал: "Когда Князь и все люди Киевские изменили старым богам своим, то Кончислав один останется им верен". Светлый месяц катился по тёмно-синему небу, и бледно-жёлтые лучи его скользили по белым полотняным ставкам, раскинутым в одной весёлой долине, куда лежал путь Кончиславов. Шум, песни, звон гуслей и соловьиные посвисты свирелей далеко разносились по долине. Витязь толкнул бодцем своего верного коня и пустился к ликующим. Белые тени мелькали перед ним на поляне, в стороне от ставок, перед ярко горящими огнями. Витязь подъезжает туда - и целая вереница красных девушек подбегает к нему, схватясь рука за руку. Девушки, одна другой краше, одна другой милее, окружают витязя и умильно зовут его сойти с борзого коня и веселиться с ними. Из хоровода выскочила девушка самая пригожая, самая резвая, самая приветливая, подлетела птичкой к витязю, схватила его за руку и молвила: - Сегодня Купалов вечер, храбрый, могучий богатырь! Мы все держимся старой веры и ушли сюда из стольного Киева, чтобы здесь на приволье скакать через зажжённые костры и плясками праздновать нашего бога. Знаем, витязь Кончислав, что и ты из наших: кроме тебя, все витязи отступились от веры отцовской. Сойди с коня и пируй с нами!

Витязь проворно соскочил с коня, которого с весёлым криком и визгом увели другие девушки. Кончислав остался глаз на глаз с приветливою незнакомкой; соколиный взор витязя загорелся огнём желания; высокая грудь его волновалась и силилась вырваться из берегов своих. Идучи рука об руку с красавицей и склонясь на белое плечо её, он спросил умильным голосом:

- Как тебя зовут, красная девица?

- Меня зовут Усладой, - отвечала она с таким взглядом и усмешкой, что у витязя огонь пробежал по всем жилам и кровь пронзительным пламенем

прихлынула к сердцу.

- Что так холодны твои поцелуи, милая красавица? - молвил Кончислав, опомнившись от первого упоения. - Они словно льдом осыпают моё сердце.

Услава только смеялась в ответ и ласково щекотала витязя.

- Здесь сыро и холодно, - сказал он снова, - меня смертная дрожь пронимает до самых костей.

Услава всё громче и громче смеялась, сильнее и сильнее щекотала витязя.

- Нет, это нестерпимо! - вскричал Кончислав, усиливаясь вырваться из объятий красавицы. - И в самый день Коляды

я никогда не терпел такого мучительного озноба!

В это мгновение что-то зашумело и заволновалось вокруг ставки. Витязь поднял глаза вверх... Седые, пенные волны бурно клубились над ним. Не было уже ставки: только белая пена завивалась кудрями на том месте, где прежде трепетали от ночного ветерка полотняные полога её... Витязь взглянул на Усладу... перед ним сидела, ему коварно усмехалась злобная Русалка, которой зелёные, длинные волосы мшистым шёлком упали на бледные, обнажённые плеча и на грудь, холодную, как вечные льды Кавказа. И вмиг она снова залилась громким, исступлённым смехом; и вмиг волны набежали ещё яростнее прежнего, налегали на Кончислава, теснили его дыхание, всё ближе и ближе, пока наконец совсем поглотили витязя, отвергавшего в душе своей приветные призывы Благодетеля.